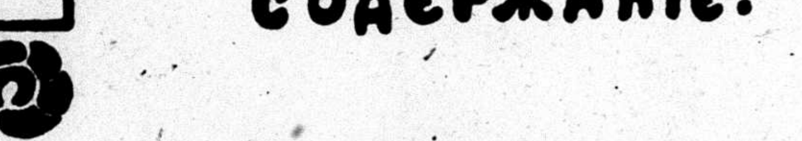
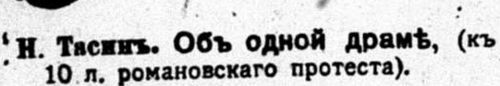
V-й годъ изданія.







№ 6. Спб. 1914. Ц. 30 к.

V-й годъ изданія.

Наша Заря

Ежемѣсячный журналъ

№ 6.

С.-Петербургъ, 1914 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Коммерческая Типографія" Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.
1914.

Расколъ Фракціи и задачи рабочихъ.

Вмѣсто предисловія.

Моя статья въ № 3 „Н. З." вызвала возраженіе со стороны т. Л. М. Центръ тяжести этого возраженія заключается въ данномъ имъ объясненіи побѣдъ большевизма и во взглядѣ его на роль рабочей интеллигенціи. Такъ какъ оба эти вопроса разобраны мною въ предлагаемой статьѣ, написанной еще до появленія отвѣта Л. М., то я и отсылаю читателей къ ней, а здѣсь ограничусь нѣсколькими попутными замѣчаніями.

Свои возраженія Л. М. я не начну съ того, съ чего началъ онъ, т. е. съ признанія его отвѣта теоретически необоснованнымъ. Не потому, конечно, что отвѣтъ этотъ теоретически правиленъ, а потому, что какъ разъ перенесеніе вопроса о фактическомъ соотношеніи и роли рабочихъ и интеллигенціи въ нашемъ рабочемъ движеніи въ область теоріи дѣлаетъ весь этотъ споръ въ значительной степени безплоднымъ. Да и самъ Л. М. оперируетъ не столько теоретическими соображеніями, сколько практикой русскаго движенія.

Давая отпоръ большевизму, представители меньшевизма такъ увлекаются положеніемъ, что въ соц. демократіи не должно быть дѣленія на интеллигентовъ и рабочихъ, что благодаря этому совершенно стушевывается основное меньшевистское положеніе—развитіе самодѣяности рабочихъ. Характерно, что во всей замѣткѣ Л. М., посвященной отношенію обѣихъ фракцій къ рабочей интеллигенціи, нѣтъ ни слова объ этой задачѣ. Пусть, быть можетъ, мы поставили этотъ вопросъ немного однобоко, но вѣдь онъ волнуетъ сейчасъ умы сознательныхъ рабочихъ и замалчивать его, какъ это дѣлаетъ Л. М. въ своемъ отвѣтѣ, невозможно и даже опасно для меньшевизма. Напрасно Л. М. опасается нашего возвращенія къ точкѣ зрѣнія старыхъ „оппозицій"; оппозиція въ сущности никогда не умирала и однимъ фактомъ своего существованія производила давленіе на меньшевизмъ. Умереть она могла бы лишь съ исчезновеніемъ кружковщины, когда господство маленькихъ замкнутыхъ группъ смѣнится самоуправленіемъ самодѣятельнаго пролетарскаго организма. И теперешняя оппозиція отличается отъ старой тѣмъ, что не сводитъ всего вопроса къ простому перемѣщенію личностей, а думаетъ, что раб. интеллигенція могла бы внести въ современный меньшевизмъ много новаго и свѣжаго. Если этого не дѣлается теперь, то потому, что раб. интеллигенція сильна не въ одиночку, а какъ организованный коллективъ; лишь при этихъ условіяхъ возможно проявленіе ея творчества.

Теперь еще два слова о моихъ мнимыхъ уступкахъ большевизму. Я не идеализирую куріальныхъ перегородокъ, не признаю за избран-

ными по рабоч. куріи депутатами монополіи на представительство пролетаріата; но изоляція пролетаріата въ избирательной кампаніи есть фактъ, который лишаетъ наше выступленіе по городской куріи достаточной классовой опредѣленности. И всѣ разсужденія Л. М. о превосходствѣ избирательной кампаніи, ведущейся въ атмосферѣ соприкосновенія классовъ бьютъ мимо цѣли, т. к. именно соприкосновенія классовъ не происходитъ ни въ рабочей куріи, ни въ куріи городской: въ рабочей куріи одинъ пролетаріатъ, въ городской всѣ классы, кромѣ пролетаріата. И, просматривая отчеты о выступленіяхъ соціалъ-демократіи въ избирательной кампаніи, намъ приходится констатировать, что соціалъ-демократія показывала мелкобужуазной массѣ лишь свое демократическое лицо и ставила своей главной задачей отрываніе ея отъ кадетовъ.

На этомъ я считаю возможнымъ закончить свои возраженія Л. М. и еще разъ отсылаю читателя къ прилагаемой статьѣ.

I.

Расколъ соц.-дем. фракціи, несмотря на извѣстную давность, остался событіемъ, полнымъ специфическаго интереса и огромной принципіальной важности. Исторія русской соціалъ-демократіи богата всевозможными внутренними переворотами и расколами; но поскольку эти перевороты и расколы совершались до сего времени въ подпольѣ, они не приковывали къ себѣ вниманія широкихъ слоевъ рабочихъ и ихъ общественное значеніе было чрезвычайно незначительно. Отрѣзанныя самимъ фактомъ своего подпольнаго существованія отъ широкой открытой политической арены, мало или, вѣрнѣе совершенно, не связанные съ массой, нелегальныя учрежденія могли безъ особаго ущерба для дѣла классоваго воспитанія и организаціи пролетаріата заниматься фракціоннымъ заушеніемъ. Не только широкія политически неоформленныя массы, но и партійные низы безучастно относились къ фракціонной борьбѣ, равнодушно встрѣчали фракціонныя побѣды и пораженія. Борьба за власть, за обладаніе руководящими учрежденіями велась партійной аристократіей - интеллигенціей. Совершенно иное дѣло расколъ во фракціи. Рабочіе, будь то соціалъ-демократы или безпартійные, привыкли видѣть въ лицѣ думской фракціи своего идейнаго и политическаго представителя. Чутко, внимательно слѣдили они за дѣятельностью своихъ избранниковъ во вражескомъ лагерѣ. Разбросанные на огромномъ пространствѣ Россіи, рабочіе соединялись въ лицѣ фракціи въ единую пролетарскую армію. Никто не могъ протестовать противъ выступленій фракціи отъ имени рабочаго класса. Расколъ, нарушивъ это гармоничное соединеніе, затронулъ непосредственные интересы рабочихъ. Вотъ почему впервые, за все долголѣтнее существованіе соціалъ-демократіи, рабочіе активно

вмѣшиваются въ фракціонный споръ, активно реагируютъ на фактъ внутрипартійной жизни. Вопросъ о расколѣ во фракціи не сможетъ сойти со страницъ пролетарской прессы до тѣхъ поръ, пока въ ней вновь не будетъ возстановленно единство. Думская фракція стоитъ въ центрѣ рабочаго движенія. Какой бы вопросъ рабочей политики мы не подняли, мы неизбѣжно должны будемъ коснуться фракціи, а тѣмъ самымъ и раскола внутри нея.

Важность и огромное значеніе вопроса о расколѣ во фракціи подчеркнуты вмѣшательствомъ Интернаціональнаго Бюро, предложившаго свои услуги для ликвидаціи раздора. Но Интернаціональное Бюро не можетъ, конечно, своими постановленіями декретировать единство и создать у насъ единую фракцію въ Думѣ, единую соціалъ-демократію въ странѣ. Его рѣшенія имѣютъ лишь моральный вѣсъ. Желаніе и воля Межд. Бюро или конгресса будутъ исполнены у насъ лишь въ томъ случаѣ, если рабочій классъ Россіи выдѣлитъ изъ себя достаточно сильную группу сознательныхъ рабочихъ, способныхъ, несмотря на внѣшнія препятствія, преодолѣть всѣ затрудненія и выполнить волю рабочаго класса. Только тогда будетъ разрубленъ Гордіевъ узелъ, разрѣшена историческая задача. И для насъ важно выяснить себѣ: есть-ли въ наличности внутри самого рабочаго класса силы, способныя положить предѣлъ разрухѣ. А для этого намъ прежде всего придется коснуться сути раскола, вскрыть причины, побудившія нашихъ противниковъ двинуться форсированнымъ маршемъ къ разгрому фракціи.

II.

Расколъ во фракціи является несомнѣнно новой крупной побѣдой большевизма. Кружковыя узко-фракціонныя тенденціи еще крѣпко сидятъ въ головахъ многихъ рабочихъ. Шагъ за шагомъ большевизмъ вытѣсняетъ меньшевиковъ съ ихъ, казалось бы укрѣпленныхъ, позицій. Послѣдовательно раскольническая линія доведена до конца. Лозунгъ борьбы съ ликвидаторами—этотъ боевой кличъ большевизма—имѣлъ успѣхъ у рабочихъ. Во имя его торжества былъ нанесенъ ударъ профессіональному движенію, ослаблена, разъединена страховая кампанія, расколота фракція. Дальше итти уже некуда. Большевизмъ можетъ почивать на лаврахъ и заниматься закрѣпленіемъ своихъ позицій.

Каковы же объективныя причины, лежащія въ основѣ пораженія однихъ и торжества другихъ? Прежде всего новый подъемъ общественнаго настроенія и высоко поднявшаяся волна экономическаго оживленія. Большевики любятъ опредѣлять „ликвидаторство", какъ порожденіе безвременья реакціи. Это невѣрно. „Ликвидаторство" появилось раньше реакціи. Если хотите, первыя вѣхи его положены Аксельродомъ извѣстными статьями въ „Искрѣ". Болѣе или менѣе оформленное очер-

таніе „ликвидаторство“ приняло уже въ періодъ кампаніи за рабочій съѣздъ. Реакція и партійный кризисъ не создали, а лишь ускорили идейную кристаллизацію „ликвидаторства“. Снявъ съ порядка дня сложные кардинальные вопросы русской общественности, удаливъ съ поля общественной борьбы всѣ наиболѣе слабые колеблющіеся элементы, реакція встрѣтилась лицомъ къ лицу съ передовымъ отрядомъ пролетарской арміи, который не хотѣлъ сдавать безъ боя завоеванной борьбой 1905 года позиціи. Началась упорная неравная борьба. Прямо-таки героическими усиліями сдерживали сознательные рабочіе натискъ реакціи, боролись за свое право на существованіе, за легальныя возможности. Эту борьбу за профессіональные союзы, за клубы, борьбу противъ всякихъ, все болѣе и болѣе съуживающихъ ея компетенцію, ограниченій всецѣло вынесли на своихъ плечахъ тѣ самые сознательные рабочіе, которыхъ нынѣ третируютъ, которыхъ именуютъ „ликвидаторами“. Масса не понимала объективнаго значенія этой борьбы, а субъективно борьба присходила при такой будничной обстановкѣ, что не могла привлечь ее.

Напрасно, однако, мы — „ликвидаторы“ предполагали, что рабочая масса съ нами! Мы были небольшимъ дѣйствующимъ отрядомъ. Масса была равнодушна. Союзы съ 1907—1911 стояли все время на одномъ уровнѣ. Притокъ членовъ почти не замѣчался. Тоже самое было съ клубами. Масса не приходила къ намъ на помощь. Еще ярче это равнодушіе массъ къ нашей вполнѣ сознательной классовой борьбѣ сказалось, когда мы призвали ее къ борьбѣ за свободу коалицій. Мы сумѣли собрать лишь нѣсколько тысячъ подписей. Конечно, главнымъ виновникомъ нашей неудачи была реакція. Нельзя однако все валить на нее. Несомнѣнно, тутъ дѣйствовали и другія причины. И одной изъ важнѣйшихъ является некультурность, классовая недоразвитость массъ. Онѣ не въ состояніи были охватить сложной программы политическихъ дѣйствій „ликвидаторства“. Только то обстоятельство, что на общественной аренѣ не было въ данный моментъ иныхъ дѣйствующихъ, борющихся, кромѣ „ликвидаторства“ силъ, давало ему право говорить отъ имени и именемъ рабочаго класса. Создавалась иллюзія, — и „ликвидаторы“ охотно вѣрили въ нее, что они являются выразителями не только объективныхъ интересовъ, но и субъективныхъ желаній и настроеній рабочей массы. Большевизмъ тогда стушевался. Новая обстановка, новыя условія борьбы выбили его изъ колеи. Массовый слой большевистски настроенныхъ рабочихъ, мало чѣмъ отличающійся въ сущности отъ низовъ рабочихъ, кромѣ развѣ усвоенной ими революціонной фразеологіи, покинулъ соціальдемократію и растворился въ обывательщинѣ. Ленинцы продолжали вѣрить въ близость революціи, считали реакцію кратковременнымъ случайнымъ явленіемъ, оставались въ разлагающемся подпольѣ, презрительно смотрѣли на легальное „крохоборство“, ругали дѣятелей легальнаго рабочаго движенія, звали ихъ возвратиться въ

революціонное подполье и требовали себѣ контроля надъ всѣми формами рабочаго движенія. Въ тотъ моментъ, когда рабочими по собственной инициативѣ, а часто даже вопреки агитаціи большевиковъ, удавалось использовать какую-либо „легальную возможность“, они являлись для того, чтобы контролировать работу отъ имени несуществующей партіи, никому неизвѣстныхъ учрежденій. Не надуманно, не благодаря чьему либо вліянію, а столкнувшись съ дѣйствительностью, понявъ ее, пролетарская интеллигенція пришла къ убѣжденію, что подполье реакціонно, вредитъ самодѣятельности рабочихъ. Дѣйствительность ясно говорила имъ, что послѣдовать совѣту большевиковъ, пойти въ подполье—значитъ отдать реакціи безъ бою легальныя позиціи, потерять и то немногое, что завоевано огромными усиліями. Они поняли это, поняли, что всякое усиленіе подполья означаетъ ослабленіе легальнаго движенія и сдѣлали своимъ лозунгомъ: „мобилизація всего живого въ защиту профессіональнаго и культурнаго движенія“. Правы оказались „ликвидаторы“ рабочіе. Имъ удалось сохранить легальныя возможности, а новый подъемъ рабочаго движенія значительно расширилъ ихъ. Сконцентрировавъ всю наличность дѣятельныхъ силъ рабочаго класса въ профессіональныхъ и культурныхъ организаціяхъ, пролетарская интеллигенція постепенно въ процессѣ работы вытѣснила оттуда учащуюся интеллигенцію и такъ наз. профессіоналовъ и взяла дѣло руководства легальнымъ движеніемъ въ свои руки. Такимъ образомъ, пролетарская интеллигенція постепенно пришла къ убѣжденію, что непосредственно практическая, жизненно необходимая, повседневно кропотливая работа въ легальномъ движеніи создаетъ условія, способствуетъ развитію самодѣятельности пролетаріата. Въ подпольѣ, по необходимости, благодаря отсутствію связей съ внѣшнимъ міромъ, міромъ дѣйствія, царила „теорія“, преобладала фракціонная политика. Тутъ невозможно было развернуться рабочимъ, и руководство организаціей естественно находилось въ рукахъ идеологовъ-интеллигентовъ, какъ наиболѣе приспособленныхъ. Иное дѣло легальное движеніе. Здѣсь центръ тяжести переносился въ область практической дѣятельности, а тѣмъ самымъ и открывался широкій просторъ для пролетарскаго творчества. Какъ въ подпольѣ естественнымъ ходомъ вещей выдвигалась для руководства интеллигенція, такъ въ открытомъ движеніи у руля становились сознательные самодѣятельные рабочіе. И, наконецъ, послѣдній выводъ, который пришлось сдѣлать рабочимъ-дѣятелямъ легальнаго движенія, это констатировать отсутствіе у насъ партіи, какъ организованнаго цѣлаго. Если еще въ 1907 году, въ періодъ кампаніи за рабочій съѣздъ, когда подпольная соціальдемократія номинально насчитывала въ своихъ рядахъ десятки и сотни тысячъ членовъ, рабочесъѣздовцы не видѣли въ ней настоящей пролетарской партіи и призывали рабочихъ къ построенію посредствомъ агитаціи за рабочій съѣздъ новой дѣйствительно рабочей партіи, то станетъ вполнѣ

понятнымъ, что у ликвидаторовъ-рабочихъ было еще меньше основанія признавать за жалкими обломками когда-то величественной организаціи значеніе партіи. Въ этотъ періодъ нелегальная организація почти совершенно распалась. Лишь въ столицахъ искусственно, да на окраинахъ (Кавказъ, Латышскій край) въ силу мѣстныхъ специфическихъ условій удавалось еще кой-что сохранить. Могли ли рабочіе-дѣятели открытаго движенія признать за этими, никому невѣдомыми, никѣмъ не поддерживаемыми и неуполномоченными комитетиками роль партіи? Конечно, нѣтъ. Партіей въ представленіи этихъ рабочихъ являлась наличность въ рабочемъ классѣ живыхъ, самодѣятельныхъ и сознавшихъ свои объективные интересы элементовъ, выдвинутыхъ рабочимъ классомъ и тѣсно спаянныхъ съ послѣднимъ. Они имѣли въ тысячу разъ больше основаній и правъ сказать „партія это мы". И если они не сказали этого, то только потому, что легальное движеніе только лишь пустило ростки, не вышло еще за предѣлы мѣстнаго движенія, не группировало и не централизовало разбросанную по всѣмъ концамъ Россіи пролетарскую интеллигенцію. Этотъ процессъ централизаціи только еще намѣчался. Съ каждымъ новымъ выступленіемъ на такъ называемыхъ общественныхъ съѣздахъ „ликвидаторство" отвоевывало у подполья все новыя позиціи, укрѣплялось и въ провинціи. Лозунгъ сознательныхъ рабочихъ „партіи нѣтъ, она должна быть создана въ борьбѣ за легальность" становился все реальнѣе... Наступившій переломъ въ настроеніи рабочей массы, вызванный общественнымъ и экономическимъ оживленіемъ, выступленіе ея на историческую сцену въ качествѣ дѣйствующаго лица нарушило прежнее теченіе и остановило, будемъ думать, на короткое время — выполненіе этой прогрессивной исторической задачи. Масса снова — исторія рабочаго движенія знаетъ уже нѣсколько такихъ примѣровъ — разошлась въ настроеніи со своей интеллигенціей. Ея выразителемъ и идеологомъ по-прежнему явился большевизмъ съ своимъ упрощеннымъ, разбавленнымъ сильной дозой народничества, марксизмомъ. Связанный еще тысячами нитей съ деревней, не прошедшій чрезъ чистилище ремесла, несознательный въ классовомъ отношеніи, неразвитый культурно, кинутый прямо отъ сохи въ омутъ политической борьбы массовый рабочій легко усваивалъ несложную теорію большевизма. Не познавшій и потому не могущій оцѣнить огромнаго революціоннаго значенія организаціи, массовикъ рабочій жадно внимаетъ революціонной фразеологіи большевиковъ. Элементарные большевистскіе лозунги своей крайностью подкупаютъ массу; вполнѣ соотвѣтствуя и удовлетворяя рѣзко повышенному настроенію рабочихъ, эти лозунги не требуютъ отъ нихъ въ то же время непосредственной политической работы. Давно извѣстно, что сознательность рабочихъ измѣряется степенью ихъ организованности и разнообразіемъ формъ борьбы. На практикѣ нашего рабочаго движенія это вполнѣ оправдывается. Мы не знаемъ иныхъ формъ борьбы, какъ

на ура—забастовку. Масса отрицательно относится къ лозунгу сознательныхъ рабочихъ „свобода коалиціи“ не только потому, что она несознательна, не понимаетъ его; не только потому, что повышенное настроеніе и упрощенное сознаніе массовика рабочаго скорѣе воспринимаетъ большевистское „все“, чѣмъ частичное „ликвидаторское“ требованіе, но и потому еще, наконецъ, что этотъ лозунгъ требуетъ непосредственной кропотливой, сложной и упорной политической борьбы.

Большевизмъ несомнѣнно имѣетъ подъ собою почву въ настроеніи массъ. Но это уже не тотъ окаменѣлый большевизмъ, который мы наблюдали въ 1907—12 г. Онъ двинулся, онъ понялъ, что прежній бойкотизмъ, прежнее пренебрежительное отношеніе къ легальной работѣ немыслимо, связано съ рискомъ быть выброшеннымъ за бортъ общественной жизни. Пробужденные общественнымъ оживленіемъ, воодушевленные своей собственной борьбой рабочіе, если и пойдутъ въ ту или иную организацію, то только въ легальную. Несмотря на подъемъ рабочаго движенія, несмотря на усиленіе активности рабочихъ и интереса къ общественнымъ вопросамъ, большевистская январьская конференція представляла всего 450 ч. Какое жалкое представительство по сравненію съ Лондонскимъ съѣздомъ, представлявшимъ почти 200 тыс. армію. Не то легальныя организаціи. Хотя и ихъ ростъ далеко уступаетъ темпу и размаху рабочаго движенія, у насъ есть реальный и замѣтный показатель этого роста. Число членовъ въ проф. союзахъ неуклонно ростетъ. Расширяются и просвѣтительные клубы. При такомъ положеніи вещей большевикамъ ничего не оставалось, какъ устремиться на завоеванную у реакціи легальную арену. И пусть большевики вносятъ сюда, въ легальныя организаціи, свой специфическій духъ, использованія, въ противовѣсъ „ликвидаторамъ“, которые видятъ въ нихъ опорныя базы въ политической борьбѣ рабочаго класса, все же это объективная побѣда „ликвидаторства“.

Хотятъ или не хотятъ того большевики, но фактически и они центръ тяжести своей работы переносятъ изъ подполья въ область открытаго движенія. И понятно, что поскольку въ легальныя организаціи хлынулъ новый массовый элементъ, а за нимъ потянулся слой воспитанныхъ въ подпольѣ съ узко кружковымъ фракціоннымъ горизонтомъ рабочихъ, постольку неизбѣжно, хотя бы на первое время, физіономія легальныхъ организацій должна была измѣниться. Бывшій, а можетъ быть и сейчасъ еще не порвавшій съ подпольемъ, большевикъ рабочій переноситъ сюда тѣ средства и методы воздѣйствія на рабочихъ, которые преподала ему въ подпольѣ якобы марксистская интеллигенція. Объявляется, конечно, прежде всего священная борьба „ликвидаторамъ“. Безпомощные и несамостоятельные хотя, не рѣдко энергичные, большевики рабочіе дѣйствуютъ всецѣло подъ вліяніемъ руководящаго интеллигентскаго кружка. Въ изображеніи

послѣдняго „ликвидаторство“ выступаетъ, какъ интеллигентскій либерализмъ, проникшій въ рабочую среду для ликвидаціи революціонныхъ задачъ и традицій пролетаріата, для ликвидаціи революціонной подпольной пролетарской партіи и совращенія рабочаго класса на путь мирнаго сотрудничества съ либеральной буржуазіей или даже правительствомъ. И чѣмъ гуще и сочнѣе краски, тѣмъ обезпеченнѣе и солиднѣе успѣхъ. Сѣмя пропаганды противъ „ликвидаторовъ“ падало на благопріятную почву. Масса, только что вступившая въ профессіональные союзы, не способная оцѣнить ихъ огромное значеніе для пролетарскаго движенія, легко увлекалась революціонной фразой и готова была принести въ жертву послѣдней цѣльность профессіональныхъ союзовъ. Руководимая большевиками она проваливала „ликвидаторовъ“, цѣнныхъ работниковъ, во всѣ руководящія учрежденія. Одна легальная позиція за другой переходила отъ „ликвидаторовъ“ къ большевикамъ. Опытные кормчіе рабочаго движенія смѣнялись неопытными, но близкими по духу и настроенію массѣ.

Такъ перешелъ къ большевикамъ и одинъ изъ самыхъ крупныхъ и важныхъ союзовъ въ Россіи—союзъ металлистовъ въ Петербургѣ. Объективно революціонное дѣло: укрѣпленіе и расширеніе легальныхъ возможностей уступило мѣсто непосредственному проявленію субъективнаго революціоннаго настроенія массъ—разгрому „ликвидаторовъ“. Внѣшній революціонный фактъ еще разъ скрылъ реакціонную сущность. Это явленіе, аналогичное разгрому соціальдемократовъ соціалистами революціонерами на выборахъ по рабочей куріи во II-ю Г. Думу. Полукрестьянская рабочая масса то же предпочла соціалъ-революц. соціальдемократамъ, какъ теперь большевиковъ меньшевикамъ, потому что идеологія и соціалист. революц. и большевиковъ, мало, чѣмъ отличающихся другъ отъ друга, ближе ихъ соціальному положенію, ярче и выпуклѣе выражаетъ бунтарское внѣшнее революціонное настроеніе массъ. Какъ это ни странно, въ разгромѣ „ликвидаторовъ“ играло роль и то обстоятельство, что они выступали противъ подполья, призывали къ построенію новой партіи. Масса не пойдетъ въ подполье, какъ не пойдетъ она совершать террористическіе акты, но и то и другое для нея является чѣмъ-то святымъ и недосягаемымъ, героически революціоннымъ.

Какъ недопустимо для нея осужденіе террора, такъ точно недопустимо для нея и выступленіе противъ подполья. Тутъ сказывается еще, несомнѣнно, если можно такъ сказать, малая пропитанность русскихъ рабочихъ коллективностью, ихъ индивидуализмъ—индивидуализмъ мелко буржуазный, крестьянскій. Рабочая масса не выявила еще окончательно свой пролетарско-классовый ликъ. Она пассивна, у нея отсутствуетъ вѣра въ свое коллективное творчество. Пролетаріатъ больше, чѣмъ когда бы то ни было, чувствуетъ сейчасъ потребность въ организаціи, сознаетъ ея необходимость. И когда „ликвида-

торъ“ заявляетъ: „партіи нѣтъ, она должна быть создана“, часто не указывая конкретныхъ путей для ея построенія, въ умѣ рабочаго это нерѣдко преломляется въ выступленіе противъ партіи вообще. Онъ предпочитаетъ вмѣстѣ съ большевиками рабочими *вѣрить* въ нелегальную партію. Во-первыхъ, худо ли, хорошо ли, принципіальные защитники подполья отражаютъ въ данный моментъ его настроеніе, а во-вторыхъ ему не нужно бороться за созданіе партіи. Его увѣряютъ, что въ подпольѣ все обстоитъ благополучно. Но эта безсознательная ложь, вѣра въ фетишъ, въ революціонный мифъ, не можетъ долго скрывать истинное положеніе вещей. Рано или поздно обнаружится, что подполье и нелегальная партія это революціонный мифъ. И сдѣлается это тѣмъ скорѣе, что жизнь настойчиво выдвигаетъ предъ пролетаріатомъ все болѣе и болѣе сложные вопросы, заставляя его отъ фразъ переходить къ дѣлу активной борьбы за то или иное требованіе рабочаго класса. Тутъ то и обнажится вся пустота и безсодержательность подполья.

Пока же „ликвидаторы“ терпятъ, и вѣроятно еще будутъ терпѣть пораженія. Большевизмъ, интеллигентскій, узко-фракціонный, заговорщицко—якобинскій нашелъ себѣ поддержку въ настроеніи широкихъ слоевъ рабочихъ. На все рабочее движеніе онъ смотритъ съ точки зрѣнія интересовъ только своей фракціи, своего кружка. Для него легальное движеніе это не оплотъ пролетаріата въ борьбѣ съ реакціей за свои классовые интересы, а только средство фракціоннаго оформленія, Для него важно не столько то, чтобы профессіональное и культурное движеніе ширилось и развивалось, сколько чтобы оно протекало подъ большевистскимъ флагомъ. И въ этомъ несомнѣнная реакціонность и опасность большевизма для рабочаго движенія. Возраждающійся большевизмъ поставилъ себѣ задачей использовать благопріятное настроеніе въ массахъ для закрѣпленія гегемоніи своего кружка и полнаго уничтоженія противниковъ. Отнынѣ раскольническая политика принесена большевизмомъ и въ легальное движеніе. И плоды этой политики уже на лицо. Пренебрегая интересами профессіональнаго движенія, не страшась возможности фактическаго раскола, большевизмъ открыто бросаетъ вызовъ „ликвидаторству“, предлагая забаллотировывать всякаго „ликвидаторски“ настроеннаго рабочаго.

Успѣхъ въ вытѣсненіи ликвидаторовъ изъ профессіональнаго, страхового, культурнаго движенія опьянилъ большевизмъ. Давно лелѣянная мечта о подчиненіи классоваго движенія диктатурѣ кружка приближалась къ своему окончательному осуществленію. И поскольку думская и внѣ думская работа фракціи являются въ принципѣ завершеніемъ открытаго рабочаго движенія, объединяя и концентрируя разрозненныя силы пролетаріата, постольку единая фракція служитъ препятствіемъ для полнаго торжества фракціонности. Большевизму ничего не оставалось, какъ или отказаться отъ своей цѣли или произнести смертный приговоръ единой фракціи. Кружковая сектантская психологія, инте-

ресы узко-фракціонные взяли верхъ. Расколъ во фракціи является такимъ образомъ завершеніемъ разгрома „ликвидаторовъ“ въ легальныхъ организаціяхъ и оформленіемъ большевизма, какъ теченія, претендующаго на монополію въ рабочемъ движеніи. Безразлично, были или не было разногласій внутри фракціи; расколъ все равно долженъ былъ бы свершиться. Безотвѣтственные узко-фракціонные политики никогда не смогли бы примириться съ тѣмъ фактомъ, что рабочіе сами становятся на ноги, не нуждаются въ опекѣ, допускаютъ внутри себя борьбу мнѣній; они всегда будутъ подходить къ намъ—рабочимъ съ ежовыми рукавицами, требовать по какому то невѣдомому никому праву контроля и подчиненія, проявлять сектантскую нетерпимость къ инакомыслящимъ. До тѣхъ поръ, пока въ лицѣ большевизма будутъ жить традиціи старой подпольной доисторической интеллигентской соціальдемократіи, до тѣхъ поръ возможно будетъ кромсаніе тѣла пролетаріата, за счетъ послѣдняго будутъ продѣлываться всякіе опасные эксперименты. А эти традиціи живутъ и находятъ себѣ поддержку не только среди рекрутирующейся изъ крестьянства рабочей массы, но часто даже среди самихъ сознательныхъ пролетаріевъ.

(оконч. слѣдуетъ).

Ф. Булкинъ.

5

Къ вопросу объ интеллигенціи.

Появленіе въ печати статьи т. Булкина (Н. З. № 3) указываетъ на то, что классовое сознаніе проникаетъ въ самую толщу пролетаріата. Если ходъ этого развитія будетъ продолжаться съ такимъ же успѣхомъ, то черезъ 10 лѣтъ мы снова придемъ къ Махаевщинѣ. То „новое“, что сказалъ Булкинъ объ интеллигенціи, высказывалось уже тогда, когда сама интеллигенція выступала противъ интеллигенціи. Исходя изъ тѣхъ же опасеній, изъ какихъ исходитъ теперь т. Булкинъ, махаевцы привлекали на свою сторону тѣхъ рабочихъ, которые уже тогда понимали рабочее движеніе такъ, какъ понимаетъ его т. Булкинъ теперь. Но это продолжалось весьма недолго. Рабочіе не повѣрили интеллигенціи, говорившей въ пользу чистой рабочей организаціи партіи съ партійными рабочими вождями не потому, что не вѣрили въ возможность таковой въ будущемъ, а потому, что усмотрѣли въ ней плохо скрытыя личныя вожделѣнія. А судьба подобнаго рода фокусовъ въ концѣ концовъ вездѣ одинакова. Такъ было съ махаевцами, такъ будетъ и со всѣми, кто въ рабочемъ движеніи видитъ средство для осуществленія своихъ личныхъ плановъ. Само собою разумѣется, что процессъ изгнанія махаевцевъ изъ рабочей среды совершался въ верхнихъ